

А. А. Гишпиус
НИУ Высшая школа экономики,
Институт славяноведения РАН, Москва

К интерпретации надписи на Березовской чаше

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже византийская серебряная чаша XII в., происходящая из с. Березово в Нижнем Приобье и по составу изображений на ней известная как «чаша с пиром императрицы», знакома историкам русской письменности благодаря надписи на поддоне: «Въ польь четвьрьта десате гръвьнь» (рис. 1). Последний и наиболее полный анализ этого текста дал многоуважаемый Юбиляр в настольной для специалистов по древнерусской эпиграфике книге «Грамотность в Древней Руси» (Медынцева, 2000). Охарактеризовав особенности исполнения граффито, процарапанного очень тонкими и неглубокими линиями, с рядом исправлений, не удавшихся с первого раза букв, А. А. Медынцева заметила, что «надпись хотя и небрежна, но абсолютна грамотна» (Медынцева, 2000. С. 116). Датируя надпись, Альбина Александровна присоединилась к мнению А. И. Соболевского, отнесшего ее к XII в., и отметила необоснованность сомнений А. И. Спицына, считавшего чашу принадлежащей несколько более позднему времени. Впрочем, как заключает исследовательница, «[м]ожно говорить лишь о наиболее вероятной датировке XII в., причем геометрический стиль почерка, последовательное сохранение слабых и сильных глухих скорее свидетельствуют о времени не позднее середины XII в.» (Медынцева, 2000. С. 117).

Содержание надписи остается, между тем, загадкой; вопрос, чему соответствует названная в ней величина, пока не нашел удовлетворительного ответа. Мнения исследователей разделились: одни считали, что в надписи указана цена чаши, другие полагали, что имеется в виду ее вес. Первую точку зрения сформулировал Б. А. Рыбаков, писавший: «Тридцать пять гривен не могут быть обозначением веса серебра, так как вес чаши (около 980 г) немногим более шести гривен серебра [это «северная» гривна серебра с теоретическим весом 204,7 г. – А. Г.]. Очевидно,

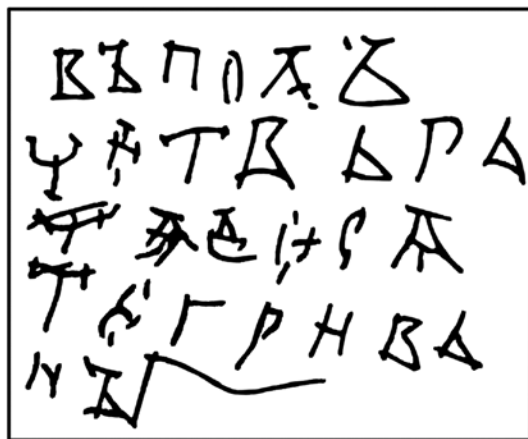

Рис. 1. Надпись на Березовской чаше.
Прорисовка (Даркевич, 1975. С. 81;
Медынцева, 2000. С. 117)

может, несколько более поздняя, стоила вдвое больше» (Рыбаков, 1963. С. 57). Этот пассаж, однако, доверия не вызывает; подобно большинству уникальных известий «Истории российской», относящихся к культуре и просвещению Древней Руси, он скорее всего является реконструкцией самого Татищева. Из аутентичных же источников известно, что произведения восточной торевтики подвергались на Руси безжалостной переплавке и, следовательно, ценились скорее на вес, чем как произведения искусства (Даркевич, 2010. С. 148; Белавин, 2013. С. 55).

В последнее время появилось прямое подтверждение того, что надпись на Березовской чаше является весовой. Сразу две древнерусских весовых надписи читаются на приобретенной Эрмитажем в 1998 г. серебряной евхаристической чаше, найденной в районе Перми (Маршак, Пятницкий, 2000; Кулешов, 2018). Одна из них определяет вес чаши, составляющий 998 г, в пять гривен и два золотника, что, при стандартном золотнике в 4,25 г, показывает использование северной гривны серебра весом 198 г. Вторая надпись, согласно В. С. Кулешову, читается «гривнь и б-иі золотникъ», что интерпретируется исследователем как «8 гривен без 18 золотников». Вычисляемую отсюда гривну, имеющую вес около 134 г и содержащую 32 золотника, В. С. Кулешов отождествляет с гривной Русской Правды, выводя величину последней из известного сопоставления 12-гривенного штрафа за удар с штрафом в 5 литр серебра, полагаемым за аналогичное (?) преступление в договоре 945 г. Руси и Византии (Кулешов, 2018. С. 146–147). Обсуждение этой гипотезы

надпись имела в виду стоимость богато украшенной братины как художественного произведения». В подтверждение такой трактовки Рыбаков ссылается на приводимое В. Н. Татищевым известие о выкупе в 1122 г. из польского плена князя Ростислава Володаревича за 800 гривен серебра, взамен которых было послано «50 сосудов великих серебряных дивной греческой и венгерской работы». В среднем эти сосуды ценились по 16 гривен; наша чаша, быть

имеет смысл отложить до тех пор, когда Государственный Эрмитаж опубликует фотографии памятника. Очевидно, впрочем, что предполагаемая гривна в 134 г, как и оба варианта гривны серебра – северный (ок. 200 г) и южный (ок. 160 г) – не являются той единицей, в которых указан вес Березовской чаши.

Попытку истолковать надпись как весовую, исходя из гривны Русской Правды в ее традиционном понимании, предпринял Б. И. Маршак. «Владелец обозначил вес 35 гривен, что очень сильно превышает вес чаши (около 1 кг), но цифра может быть реальной, если чаша имела крышку и была взвешена вместе с ней. В этом случае, скорее всего, имелась в виду северная гривна в 51,19 г (Сокровища Приобья, 1996. С. 10–11)». Согласиться с такой оценкой затруднительно: чаши подобного типа действительно могли иметь крышки, но вряд ли крышка, никак не соединявшаяся с чашей, могла взвешиваться вместе с ней. Более реалистичным выглядит предложение В. Л. Янина, которое А. А. Медынцева, со ссылкой на устное сообщение, приводит как возможную альтернативу разделяемой ею точке зрения Б. А. Рыбакова. По мысли В. Л. Янина, вес чаши в надписи указан в системе, отраженной статьей «А се бесчестие», читаемой среди приложений к «Русской Правде» и обычно датируемой XIII в. Гривна серебра в этой статье соответствует 7,5 гривнам кун, что делает серебряным эквивалентом гривны кун вес в 27,3 г. Как отмечает А. А. Медынцева, «вес гривны, вычисленный на основании надписи, дает 28 г, что очень близко к вышеупомянутой гривне. Но надпись на этом основании все же нельзя отнести к XIII в. Если гривна в 27,3 г действительно появляется только в XIII в., то и в этом случае сочетание архаической графики и фонетики с новой метрологической денежной системой указывает на один из первых примеров ее применения и, вероятно, пожилым человеком. Поэтому наиболее вероятная дата и в этом случае не может быть позднее конца XII – рубежа XII–XIII вв.» (Медынцева, 2000. С. 117).

Против предположения В. Л. Янина говорят собственно метрологические данные. Вес гривны в 27,3 г исследователь вычислил исходя из теоретического веса северной гривны серебра 204,75 г. Точный вес Березовской чаши – 885 г (Пятницкий, 2004. С. 128) – соответствует 36,1 таких гривен, то есть отличается от указанного в надписи на целую гривну. Если же исходить из реального веса гривны серебра в 198 г, предполагаемого надписью на пермской чаше, то расхождение 35 гривен (924 г) и веса чаши составляет более двух с половиной гривен.

Неудовлетворительность предпринятых до сих пор попыток интерпретации надписи на Березовской чаше имеет объективное основание: данные, которыми до последнего времени располагала историческая метрология, были принципиально недостаточны для адекватного истолкования текста. Ключ к его пониманию дают берестяные грамоты, найденные в Новгороде в 2012 и 2014 гг. Это, прежде всего, грамота № 1072, конца XII – начала XIII в. – документ исключительно важный для понимания устройства денежной системы древнего Новгорода (см.: Гиппиус, Зализняк, 2016. С. 12–15; Гиппиус, 2017). Из этого текста извлекаются два ранее неизвестных исследователям факта. Во-первых, оказывается, что «обычная» гривна кун, насчитывавшая 25 кун, могла называться «гривной золотников» – вероятно, потому, что серебряный эквивалент такой гривны на разных стадиях ее девальвации соответствовал целому числу золотников. С другой стороны, из грамоты следует, что гривна серебра имела в Новгороде этого времени второе название – «семница». Объясняя его, мы поначалу предположили, что «семницу» составляли семь с половиной гривен статьи «А се бесчестие». Следуя за А. В. Назаренко, показавшим, что гривна этой статьи насчитывала не 25, а 40 кун (Назаренко, 2001. С. 199), мы противопоставили «гривну-сорочок» и «гривну золотников» как две сосуществовавшие в Новгороде формы денежного счета (Гиппиус, Зализняк, 2016. С. 13–15). От такой схемы, однако, мы вскоре отказались, признав трактовку «семницы» как семи с половиной натянута. В отдельной публикации, посвященной грамоте № 1072, эта версия уступила место другой: «семницу» составляли семь сороков (280) беличьих шкурок, выступавшие как меховой эквивалент гривны серебра; серебряный эквивалент одной «стандартной» белки составляет в таком случае 0,714 г (при гривне серебра, условно принимаемой за 200 г). Решающее подтверждение этой гипотезы мы видим в грамоте № 1021 (конец XII в.), в которой называется сумма – 89 гривен, 2 ногаты и 5,5 кун, заплаченная за 3100 (без нескольких единиц) беличьих шкурок. Выводимая из этого соотношения цена одной шкурки – около 0,72 куны, при действующем в это время отношении куны к гривне серебра 1:200, дает серебряный эквивалент «стандартной» белки, отличающийся от вышеуказанного менее чем на одну сотую процента.

Привлечением к этим расчетам надписи на Березовской чаше я обязан А. В. Назаренко, который, выступая в дискуссии по моему докладу на чтениях памяти Г. Г. Литаврина в Институте славяноведения РАН 19 декабря 2017 г., заметил, что вычисленный серебряный эквивалент

сорочка (28,6 г) соответствует весу гривны, выводимому из надписи на чаше и до сих пор не находившему объяснения. Действительно, вес «гривны Березовской чаши» (985 г: 35) составляет 28,14 г, а семь таких гривен образуют северную гривну серебра – 197 г (отклонением в 1 г от величины, выводимой из надписи на пермской чаше, можно пренебречь). Вес и ценность чаши можно было бы, таким образом, определить в пять гривен серебра или пять «семниц», но в надписи они выражены иначе – благодаря этому мы узнаем, что сорочок беличьих шуток имел фиксированный серебряный эквивалент, бывший одной из разновидностей древнерусской гривны.

Такое обозначение веса в надписи на чаше кажется далеко не случайным. Византийское серебро поступало за Урал из северной Руси в обмен на меха (см. из последних работ: *Мельничук и др.*, 2015. С. 31), и фракция гривны серебра, соответствовавшая цене стандартного сорочка белки, оказывалась в этих условиях самой удобной мерой.

Литература

- Белавин А. М.*, 2013. «Серебро закамское» в истории и археологии Среднего Предуралья // Вестник Пермского научного центра. № 2. С. 50–61.
- Гиппиус А. А.*, 2017. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Великий Новгород: Любавич. Матер. Междунар. нумизматической конф. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. [б. и.]. С. 25–36.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А.*, 2016. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. № 4. С. 7–17.
- Даркевич В. П.*, 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века М.: Искусство, 350 с.
- Даркевич В. П.*, 2010. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука. 199 с.
- Кулешов В. С.*, 2018. Древнерусские весовые граффити на евхаристической чаше XII в. из Пермского Предуралья // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. М.: ГИМ. С. 145–148.
- Медынцева А. А.*, 2000. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в.). М.: Наука. 290 с.
- Маршак Б. И.*, 2003. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского // Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой

- торевтики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа СПб.: Византинороссика. С. 1-41. (Византинороссика. Т. 2).
- Маршак Б. И., 2006. Серебро за меха // Византийская идея в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб.: ГЭ. С. 72-82.
- Маршак Б. И., Пятницкий Ю. А., 2000. Чаша Евхаристическая // Синай. Византия и Русь. Православное искусство с VI до начала XX века. Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб.: ГЭ, Фонд Святой Екатерины. С. 95-96.
- Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В., Головчанский Г. П., 2015. Истоки восточно-римской утвари и монетного материала на средневековых памятниках археологии Верхнего Прикамья // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. Пермь. С. 21-35.
- Пятницкий Ю. А., 2004. К истории поступления в Эрмитаж византийской серебряной чаши XII в. // Византия в контексте мировой истории. Матер. науч. конф., посвященной памяти А. В. Банк. СПб.: ГЭ. С. 128-139.
- Назаренко А. В., 2001. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М.: ЯСК. 784 с.
- Рыбаков Б. А., 1963. Русская эпиграфика X-XIV вв. (состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР. С. 34-71.
- Сокровища Приобья / Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб.: Формика, 1996. 228 с.